

Великая зала мира Демонов дышала мраком и ледяной торжественностью.

У входа, на холодных каменных плитах, стояла женщина — прекрасная, но измотанная, одежда её была растрёпанной, а лицо — в пепельных разводах. Дойдя до центра перед огромными воротами, она рухнула на колени:

— Подданная знает, что её вина непростительна... Прошу Повелителя позволить мне искупить всё смертью.

Небо за окнами вздувалось красными тучами. Под карнизом, где не было и намёка на ветер, медные колокольцы сами собой начинали дрожать, и откуда-то из глубины дворца прорывался ледяной сквозняк. Колокольчики звенели вперёбой, пламя свечей трепетало, и тени казались живыми.

У длинного стола, на возвышении, мужчина писал что-то — его пальцы были тонкими, призрачной бледности. Стоило перу остановиться, капля тёмных чернил расплылась по белой бумаге, как кровь.

— Янь Цзи.

Негромкий голос был низок и полон несомненной власти.

— Ползи внутрь.

Женщина за дверями резко всхлипнула, дыхание у неё сбилось. По тому, как задрожало её тело, было видно: она напугана до дрожи, но медлить не смеет. Шлейф алого платья волочился по полу, когда она, пошатываясь, вошла в зал и вновь рухнула на колени:

— Повелитель...

Холод от тёмных плит проникал до костей.

Мужчина у стола даже не поднял взгляда — строгий изгиб бровей, холодная отстранённость. Пламя свечей плавно колыхалось возле его фигуры. Чернила текли по бумаге, как будто ему ничто в этом мире не могло помешать.

— Хочешь умереть? — произнёс он спокойно, почти лениво.

— Д... да... — голос Янь Цзи сорвался, будто её душили страх и вина.

В тишине, что последовала, даже дыхание показалось слишком громким.

Не дождавшись ответа, Янь Цзи осмелилась чуть поднять голову — и встретилась взглядом с ним. Владыка приподнял веки. Его тёмные, как бездна, глаза сверкнули багровым блеском...

В следующее мгновение — ударная волна. От него, от самой сердцевины его силы. Женщина взлетела, будто тряпичная кукла, ударилась о колонну, и, тяжело рухнув на пол, выплюнула кровь.

Ветер от удара взметнул полы её одежды, пламя свечей снова бешено дрогнуло.

Янь Цзи, задыхаясь, попыталась подняться, карабкаясь на коленях, и хрипло простонала:

— Я заслуживаю тысячи смертей... Повелитель, прошу, не гневайтесь...

Её слабый голос эхом расплылся под сводами. Тени заплясали на стенах.

На столе рядом едва заметно дрогнул тонкий стебелёк небесной травы — нежные зелёные листики всплеснули и жалобно затряслись. Бедная травинка едва не умирала от страха!

Взгляд Владыки медленно опустился на цветочный горшок.

— И в чём же твоя вина? — холодно спросил Ночерождённый.

Невидимое давление, как тяжёлая пелена, растеклось по залу. Янь Цзи застыла, боясь даже вздохнуть.

На окне тоже трепетнуло крохотное растение. Даже оно, такое простодушное, почувствовало неладное — и поспешило стыдливо прикрыть крошечные листочки, будто закрывая себе глаза.

Но...

Не успело оно снова робко выглянуть, как что-то коснулось его — лёгкое, прохладное.

Цзянь Чжэнь (та самая маленькая травинка) удивлённо распахнул своё крошечное растительное сознание: тот самый мужчина у стола поднял руку... Его длинные, бледные пальцы легли на листочки, которые травинка свернула от страха. Кончик его пальца плавно скользнул по хрупкой зелени, и под этим движением листья, один за другим, расправились.

Его рука была холодной. Почти пугающе холодной.

Маленькая небесная травинка дрогнула листочками — из последних сил пытаясь вновь свернуться и улизнуть.

Но пальцы мужчины даже не шелохнулись. Травинка изо всех сил старалась выдернуть листок из-под его руки, напрягалась до тихого растительного «хрипения», и когда в отчаянии подняла «взгляд» — столкнулась с его глазами: ленивыми, холодно-красными, в глубине которых пряталась насмешливая искорка. Он откровенно наблюдал за её отчаянными попытками выбраться.

Цзянь Чжэнь в горшке: «...»

Его... разыгрывают?!

Листики затряслись. Нежный стебелёк решительно «взялся в боки», и, надутый зелёной комочкой, она уставилась на Мозун Дажэна с подоконника. Прошли сотни лет, а он всё такой же — мерзавец, который любит его дразнить! Он — гордая травинка! И больше не собирается обращать на него внимания!!

Стоило ему об этом подумать, как...

Голос Янь Цзи разнёсся снизу, из глубины зала:

— Повелитель, подданная провинилась. В тот день на Севере меня случайно укусила алая змея, и один из учеников клана бессмертных спас мне жизнь. Кто бы мог подумать, что он

изначально замыслил коварное... Завоевав моё доверие, он выведал у меня сведения о Вашем местонахождении. Всё случилось только потому, что я не смогла распознать его истинное лицо, опозорила весь народ демонов. Прошу лишь одного — смерти. Ничего другого я не заслуживаю!

В большом зале воцарилась тишина. Пламя на золотых подсвечниках дрогнуло.

В следующее мгновение раздался тихий, ледяной смешок — звук ровный, негромкий, но разрезавший воздух, словно нож.

Янь Цзи непонимающе подняла голову.

На холодных, тёмных плитах, ступень за ступенью, возвышался трон. На нём, за столом, сидел мужчина в тёмно-алой одежде, вышитой тонкими золотыми линиями, будто пламя в ночи. Его высокую фигуру отличала хищная, пугающая грация. Белые, длинные пальцы в это мгновение перебирали тонкий зеленоватый стебелёк небесной травы. Казалось бы, движение ленивое... а от него исходила такая жёсткая, убийственная сила, что воздух стыл.

Повелитель уголками губ изогнул лёгкую тень улыбки:

— Янь Цзи, защитница мира демонов... тебя обвёл вокруг пальца жалкий ученик бессмертных — я мог бы это ещё стерпеть. Но то, что ты теперь готова умереть из-за него? Разве я так тебя воспитывал?

С его словами опустилась тяжёлая волна давления — древняя, исконная сила, подарок от прародителей демонов. Выдержать её было почти невозможно. Пот мгновенно выступил на лбу Янь Цзи, стражники за дверями дрогнули, кто-то чуть не рухнул на колени.

Янь Цзи побледнела до синевы, выдавила:

— Повелитель... я...

Но под невидимым гнётом ослабевал даже голос.

Только одно существо в этом зале оставалось совершенно невозмутимым — маленькая травинка на подоконнике.

Цзянь Чжэнь, прислушавшись к происходящему, осторожно вытянула голову, поглядела вниз на бедную Янь Цзи. Сразу вспомнила, как вчера Линь Цан называл ту «демоницей»... и ему стало жалко эту женщину.

Жалость мгновенно вытеснила обиду. И про своё «я на тебя обиделся» о тут же забыл.

Мозун Дажэн сидел на троне с привычной отстранённостью. Но увидел: маленькая травинка, которая секунду назад дулась на него, робко вытянула зелёный стебелёк из горшка, аккуратно положила его на стол — совсем рядом с его бумагами. Листочки чуть дрожали, будто хотели подползти ближе... но трусили.

Он продолжал писать, как будто её вовсе не замечал.

И вот — когда на бумаге легла вторая линия пера — травинка, наконец не выдержав того, что её игнорируют, позабыла о гордости, тянулась ближе... и мягкий, нежный листок легонько коснулся его кисти, будто извиняясь. Будто пытаюсь его задобрить.

Повелитель чуть приподнял бровь, красноватый холод его равнодушного взгляда скользнул вниз.

Маленькая травинка нежно потерлась листиком о его пальцы, робко, почти ласково, обвивая их.

И — наконец.

Когда травинка уже изо всех сил старалась проявить внимание, а Владыка так и оставался безучастным... вот когда она, обиженно затрепетав, решила отпрянуть, — мужчина всё-таки изогнул губы. Его лёгкая, едва заметная улыбка мигом рассеяла давящую тьму, заполнявшую тронный зал. Давление исчезло, будто растворилось в воздухе. Янь Цзи, до того прижатая к полу, тут же осела, хватая ртом воздух; всего мгновение прошло — а её всю прошиб холодный пот, словно она только что снова родилась.

Владыка произнёс спокойно:

— Янь Цзи, ты ведь знаешь: алые змеи Севера — трусливые твари. Уже сто лет как почти истреблены. И только у клана бессмертных сохранились методы их приручения.

Его низкий, ленивый голос, пропитанный мощью, гулко раздавался по всему залу.

Янь Цзи застыла, будто кровь в её жилах превратилась в лёд.

— ...Искусство приручения...? — голос у неё дрогнул, сорвался.

Не только она — даже маленькая травинка на столе остолбенела. Вчера в мире Бессмертных Линь Цан так уверенно обвинял ученика в том, что он «поддался обольщению демоницы», а теперь... выходит, всё наоборот?! Травинка была потрясена до корешков!

Голос Мозун Дажэна прозвучал в гулкой тишине:

— Алая змея обитает лишь в запретных землях демонов. Если яд коснулся тела — спасения нет.

Янь Цзи резко воскликнула:

— Значит... у него было противоядие... Всё было подстроено!

Зал утонул в молчании.

Пламя свечей подрагивало, отражаясь на красном платье женщины, будто огонь на живом теле.

Янь Цзи, узнав правду, всё ещё блестела слезами, но они больше не текли. Она подняла голову — твёрдую, решительную:

— Я опозорила наш род. Прошу лишь одного — позвольте мне исправить ошибку, убить предателя и вернуть магам честь!

На троне, в прохладном багряном сиянии, Мозун Дажэн сидел почти не шевелясь. Красные глаза искрились намёком на улыбку — холодной, грозной, от которой сердце сжималось:

— Если снова попадёшь в его ловушку... покончишь с собой.

Янь Цзи содрогнулась:

— Да... Повелитель.

Характер Владыки непредсказуем. Ей невероятно повезло остаться живой. Она почтительно склонилась:

— Подданная не посмеет вновь подвести Вас. Но... Повелитель... теперь, когда бессмертные узнали от меня, что Ночной Лазурный Камень находится у Вас... не станет ли это для Вас опасностью?

С этими словами...

Травинка на подоконнике дернулась так, будто по ней пробежал ток!

Наконец-то она услышит, где находится камень её мечты!! Она аж задрожала от волнения — в отличие от одного очень спокойного мужчины.

Владыка не отвлекся от бумаги, продолжая вести кистью изящные линии:

— Всего лишь камень морских демонов. Раз уж он у меня — интересно, что они собираются сделать?

Янь Цзи замолчала.

Морские демоны Тайсю несколько тысячелетий наводили ужас на Северное море, и даже королевские демоны не могли с ними справиться. А Владыка попросту... уничтожил весь род одним движением. И их наследная святыня — Ночной Лазурный Камень — для него «всего лишь камешек с небольшими свойствами».

Владыка... истинный властелин Девяти Печатей. Непостижимо могущественный.

Травинка на подоконнике была тронута до глубины корешков: ну что за расточительство! Такое сокровище — и пылится зря. А если бы этот камень достался ей... ох, как же это было бы прекрасно! От одной мысли её листики возбуждённо затряслись. Большой злой маг, тебе эта штука не нужна, а вот твоей травке — очень даже! Посмотри же на меня!

Голос Янь Цзи прозвучал неуверенно:

— Повелитель... подданная смеет спросить?

Владыка спокойно ответил:

— Говори.

— Это касается Лазурного Камня ...

Как только она упомянула камень, листики Цзянь Цжэня резко распрямились. Солнце скользнуло по окну, растянув её маленькую тень по столешнице — длинную, дрожащую от нетерпения.

Мужчина заметил, как травинка заволновалась, как забавно затрясла листиками, — и уголок его губ чуть дрогнул. Он произнёс мягко:

— Спрашивай.

Взгляд Янь Цзи скользнул к подоконнику.

Цзянь Чжэнь недоумевал: А на меня-то зачем смотреть?..

Янь Цзи глубоко вдохнула, решаясь:

— Поговаривают... что цветочный горшок, в котором растёт эта небесная травка... и есть Ночной Лазурный Камень?

Травинка застыла. Целиком.

На троне Мозун Дажэн лениво откинулся назад, длинные пальцы чуть постукивали по подлокотнику. Он с немалым интересом смотрел в сторону подоконника и совершенно спокойно сказал:

— Ну и что?

И в ту же секунду.

И человек, и травинка — оба обомлели.

Янь Цзи — потому что действительно не ожидала, что Повелитель в самом деле пожертвовал величайшей реликвией ради... цветочного горшка.

А Цзянь Чжэнь — потому что не могла поверить: этот вредный, вечно его дразнящий тиран... отдал ему реликвию, чтобы помочь ему сформировать тело? Он всё это время его... неправильно понимал?!

Пока травинка ошарашенно обдумывала услышанное, Янь Цзи с чувством сказала:

— Повелитель и вправду благоволит этой небесной траве... Уверена, она оплатит Вам за столь великую милость.

Маленькая травка энергично закивала листиками: Да-да! Большой злой маг, не думала, что ты такой хороший! Всё, больше я на тебя не сержусь!

На троне Владыка опёрся щекой на ладонь, красные глаза приподнялись, на губах скользнула насмешливая дуга:

— Мне всё равно, оплатит она или нет. Просто любопытно: если эта глупая травинка была глупа уже в виде травы... станет ли она хоть немного умнее, когда примет человеческий облик?

Травинка, только что растроганная до слёз: «...»

Да что за...

Он опять её дразнит!

У-у-у, Мозун Дажэн, вот же подлый вредный тиран!

<http://bllate.org/book/12641/1121208>